

Введение к монографии
«Очерки аграрной истории Европейской России
XIX — начала XX в.»
(1994 г.)¹

1994 г. Загорново. Мое подмосковное имение размером в шесть соток на 55-м километре Рязанской железной дороги.

Оформилось намерение завершить работу над изучением аграрной истории России XIX — начала XX в. Имеется в виду написать очерки аграрной истории России конца XIX — начала XX в. Разумеется, начало всякой работы, предыстория к ней, должны обозначить те цели, которые ставятся в этом исследовании. Но прежде чем говорить об этом, хотелось бы сделать некоторые замечания по поводу истории изучения мной настоящих проблем.

Поступив в 1947 г. на исторический факультет Московского университета, я, естественно, первоначально не имел никаких ясных представлений о том, чем я буду заниматься. Несколько ознакомившись с состоянием исторической науки студентом первого курса, я имел желание заняться изучением истории фашизма, что было вполне естественно в то время, после такой тяжелой войны. Но очень скоро я сам понял, и мне это подтвердили люди более опытные, что заниматься серьезно, исследовательски изучением истории фашизма в то время было невозможно, по всем вполне понятным, причинам, главная из которых состояла в том, что были недоступны как наши, так и тем более зарубежные материалы об этой истории. Поэтому я решил, что, вероятно, имеет смысл специализироваться по отечественной истории. На втором курсе вопрос о том, какими проблемами по отечественной истории целесообразно заняться, был решен. И определяющую роль здесь сыграли два человека.

Во-первых, Николай Леонидович Рубинштейн, который вел у нас на первом и половине второго курса семинарские занятия по отечественной истории. Там было много проблем, естественно, и аграрных. Уже на первом и, особенно на втором курсе, он повел нас в архив, и мы имели возможность познакомиться с первоисточником. Я работал над Экономическими примечаниями по Генеральному межеванию эпохи Екатерины II. Конечно, знакомство с архивными материалами, с теми возможностями, которые открываются при их изучении, вызвало большой интерес. Вторым человеком, который сыграл важную роль в том, что я в конечном счете стал изучать аграрную историю, был Сергей Данилович Сказкин, который на втором курсе вел у нас семинар по аграрной истории Европы позднего средневековья. Я в этом семинаре писал у него доклад, курсовую работу о втором издании крепостничества. Так, в общем, к концу второго курса был решен вопрос о том,

что я пойду на кафедру отечественной истории или, как она тогда называлась, истории СССР с древнейших времен до наших дней. Состояла кафедра из трех отделений. Одно охватывало эпоху феодализма, второе — эпоху XIX — начала XX в. и третье — эпоху советского периода.

В 1949 г., примерно в середине учебного года, во время кампании борьбы с космополитизмом Николай Леонидович Рубинштейн был уволен из университета. Поэтому мое намерение специализироваться у него отпало. Стал вопрос относительно того, кому пойти на специализацию, кого избрать своим научным руководителем. И по совету Николая Леонидовича Рубинштейна, и по своим собственным впечатлениям от тех лекций, которые нам читал Сергей Сергеевич Дмитриев на втором курсе, я решил, что буду специализироваться у него. На третьем курсе я и определил направление своей специализации. Однако, когда на четвертом курсе я стал работать в специальном семинаре Сергея Сергеевича Дмитриева, он, зная мой интерес к изучению социально-экономической истории, тем не менее, дал мне тему не экономическую, а тему по общественно-политической мысли. Он дал мне тему курсовой работы «Крестьянский вопрос в русской общественной мысли конца XVIII — начала XIX в.». Эту же тему он мне предложил и в качестве темы моей дипломной работы, что меня чрезвычайно расстроило, ибо мои намерения сводились к тому, чтобы заняться историей социально-экономической. Но тем не менее Сергей Сергеевич настоял на том, чтобы я занимался этой темой, сказал мне, что работа над проблемами истории общественной мысли, общественного движения вам не повредит, не помешает, а в дальнейшем будете заниматься историей социально-экономической. Так я и писал дипломную работу на тему отнюдь не по социально-экономической истории.

Когда же в 1952 г. после окончания университета я был принят в аспирантуру и стал вопрос о выборе темы кандидатской диссертации, Сергей Сергеевич сказал мне: «Ну, а теперь занимайтесь своей социально-экономической историей». Мудрость Сергея Сергеевича Дмитриева, настойчиво привлечшего мое внимание к изучению общественной мысли и общественного движения, я оценил впоследствии. В конечном счете, это спасло меня от узкой научной специализации, что абсолютно нетерпимо в условиях, когда основной работой является преподавание, имеет много отрицательных моментов и в плане научном.

Тему кандидатской диссертации мне пришлось выбирать совершенно самостоятельно. Сергей Сергеевич Дмитриев не только не оказывал какого-либо давления в этом направлении, но даже и не давал каких-нибудь рекомендаций. Он сказал: «Решайте сами, чем имеет смысл заниматься по проблемам социально-экономической истории в аграрном ее аспекте».

Понятно, что при выборе темы диссертации пришлось, естественно, исходить из того, какие проблемы аграрной истории Рос-

сии первой половины XIX в. были в то время в центре внимания науки. Такой проблемой был вопрос о разложении и кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства, с одной стороны, и зарождении, генезисе капиталистических отношений в сельском хозяйстве — с другой. Проблема эта широко дебатировалась в то время не только применительно к первой половине XIX в., но и к эпохе, начиная примерно с XVII в. Процессы генезиса капитализма и разложения феодализма первой половины XIX в. были изучены особенно слабо. При определении конкретной темы я, естественно, исходил из того, что по аграрной истории России первой половины XIX в. более или менее изучено, а что остается еще недостаточно исследовано. В этом плане было совершенно очевидно, что отстает изучение социально-экономического развития помещичьей крепостной деревни, ибо проблемами истории государственной деревни, истории государственных крестьян интенсивно занимался Николай Михайлович Дружинин. И в это время уже вышел в свет первый том его фундаментальной монографии «Государственные крестьяне и реформа Киселева». Таким образом, было ясно, что надо определять тему в сфере изучения крепостной деревни.

Первый вопрос, который надлежало решить, был вопрос об источниках, на основе которых можно определять конкретную тему. Применительно к истории государственной деревни вопрос был ясен. Здесь основные комплексы источников были сосредоточены в различных фондах государственных учреждений. Что касается помещичьей деревни, каких-либо комплексных и достаточно цельных фондов по истории крепостной деревни в России этого времени не было. Следовательно, основным видом источников могли быть вотчинные архивы, вотчинные фонды, то есть документы, которые концентрировались в личных фондах отдельных помещиков. Поэтому была предпринята разведка на предмет выявления, какие вотчинные фонды имеются в архивах Москвы и Ленинграда, и каково их основное содержание. Такое ознакомление позволило выявить целый ряд фондов, очень богатых документальными материалами. Из того просмотра, который был проведен в архивах, выяснилось, что, можно сказать, в образцовом состоянии было вотчинное делопроизводство в имениях князей Гагариных. Постольку поскольку их имения в основном располагались в центрально-черноземной полосе и у них было несколько крупных имений в Рязанской и Тамбовской губерниях [и поскольку архивы содержали] великолепный материал, тема кандидатской диссертации была сформулирована таким образом: «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века». С подзаголовком: «К вопросу о кризисе феодально-крепостнической системы хозяйства».

К середине 1955 г. была написана и защищена кандидатская диссертация на эту тему. Если говорить о ее итогах, которые имели важное значение для моей последующей работы, то надо

отметить два момента. Во-первых, изучение крестьянского и помещичьего хозяйства в Центрально-черноземном районе главным образом на материалах вотчинных фондов князей Гагариных показало, что центральным компонентом в системе крепостного хозяйства является хозяйство крестьянское. И второе, что для изучения крестьянского хозяйства наиболее ценными являются различного рода подворные описания крестьянских хозяйств, которые велись в имениях. Естественно, наибольший интерес из них представляли подворные описи, содержавшие различные сведения об обеспеченности крестьян землей, рабочим скотом, инвентарем, их повинностях и так далее. Вот таков был итог первоначальной работы над изучением аграрной истории России в первой половине XIX в.

После окончания аспирантуры в октябре 1955 г. я был зачислен на кафедру истории России периода капитализма. Дело в том, что в 1953 г. единая кафедра истории СССР была разделена на четыре кафедры: кафедру истории СССР периода феодализма, кафедру истории СССР периода капитализма (XIX — начало XX в.) кафедру истории советского периода, кафедру источниковедения, которая была вновь созданной кафедрой по инициативе и благодаря усилиям Николая Михайловича Тихомирова.

Чем я занимался как преподаватель — разговор особый², а что касается исследовательской работы, [то] она продолжалась в сфере изучения аграрной истории России первой половины XIX в.

Была одна проблема, которая интересовала многих и которой заинтересовался я и вознамерился написать об этом специальную работу. Дело в том, что после периода довольно интенсивного роста цен на хлеб в России в конце XVIII — первой трети XIX вв., в 30—50-х годах XIX в. цены на хлеб упали, что получило у современников и дальнейших исследователей наименование аграрного кризиса. Природа этого кризиса и характер его воздействия на аграрное развитие были не исследованы, хотя высказывались самые различные соображения. Поэтому мне представлялось целесообразным заняться более обстоятельным изучением этого явления. Но как всегда, конечно, надо было выяснять вопрос относительно того, какова та источниковая база, которая позволит исследовать эту проблему. По крайней мере, нужны были систематические сведения за всю первую половину XIX в., желательно не в общероссийском или в масштабах больших регионов, но достаточно детализированных территориальных, хотя бы на уровне губерний, сведений о посевах и сборах хлебов, о продаже хлебов и о ценах на хлеб. Выяснение состояния источников показало следующее. Источником, в котором содержались сведения о посевах и сборах хлебов были губернаторские отчеты, в которых помещались специальные ведомости по губерниям за каждый год о посевах и сборах хлебов. Эти отчеты хранились в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде. Довольно много времени ушло на обработку этих архивов постольку поскольку пришлось обработать ведомости о посевах и сборах хлебов более чем по тысяче дел.

Выяснилось, что систематические данные по большинству губерний имеются лишь за первое десятилетие XIX в. и 40—50-е годы XIX в. За остальное время имеются лишь отрывочные данные и далеко не по всем губерниям. Что касается продажи хлебов, никакой статистики, учитывавшей продажу хлебов в России, в это время не существовало. Единственным обобщенным показателем (приблизительным), о товарности земледельческого производства могли быть данные о перевозке хлебов по водным путям. Такие данные, имевшиеся в архиве Министерства путей сообщения, были обработаны. Они опять-таки позволили выявить лишь отрывочные сведения о перевозке хлебов водным транспортом за отдельные периоды первой половины XIX в. То есть систематических данных опять-таки не оказалось. Такая же история была и с ценами на хлеб. Имелись данные систематические за 40—50-е годы, за второе десятилетие XIX в. и отрывочные данные за другие периоды. Таким образом, состояние источниковой базы было таково, что систематически, не на основе каких-то иллюстративных материалов, а на основе анализа представительных совокупностей данных, изучать явление, получившее наименование аграрного кризиса, оказалось невозможным. Поэтому пришлось реализовать те материалы, которые были выявлены и обработаны в архивах, в виде серии статей о посевах и о сборе хлебов, состоянии скотоводства в России, перевозке хлеба и т. д.

Что касается монографического исследования, то пришлось определять его тему, направление исследования заново. И здесь, естественно, на основе предшествующей работы в центре внимания были проблемы истории крестьянского хозяйства, социально-экономического развития деревни (на основе помещичьей деревни) на основе тех же вотчинных фондов. В течение довольно продолжительного времени была проделана разведка наличия вотчинных фондов в различных архивах Москвы, Петербурга и некоторых других городов. В общей сложности были просмотрены подворные описи и выборочно дела более чем по 700 вотчинным фондам. В итоге обнаружилось, что есть весьма обстоятельный комплекс материалов вотчинных фондов, который позволяет изучать состояние хозяйства, положение крестьян в русской крепостной деревне первой половины XIX в. Тем самым и определилось основное направление исследования, которое было завершено в 1965 г.

Его итоги изложены в вышедшей в 1967 г. монографии «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.». Основные, наиболее принципиальные исследовательские итоги этой работы сводятся к следующему. Первое. В сфере производственно-экономической определяющую роль в аграрном развитии играло крестьянское хозяйство, несмотря на то, что на протяжении сотен лет руководящей силой, действовавшей на крестьянство, был помещик. Второе. Из этого обстоятельства вытекало то, что в России отмена крепостного права была невозможна на основе лишь

личного освобождения крестьян. То есть реформа могла иметь лишь компромиссный характер, который заключался в том, что наряду с сохранением помещичьего хозяйства и учетом помещичьих интересов должно было сохраниться как самостоятельная форма сельскохозяйственного производства мелкое крестьянское хозяйство. И, в третьих, изучение социально-экономического развития деревни и вообще всякого развития, основанного на привлечении значительных комплексов массовых статистических источников, невозможно без применения новых методов и электронных вычислительных машин.

Вот так, прочел записанное, и обнаружилось, что вместо предисловия к научной монографии, в котором надлежало определить основные цели и задачи исследования, получились воспоминания о том, как и почему автор занимался изучением аграрной истории. Впрочем, может, и это имеет смысл, ибо знание того, как и почему изучалась та или иная проблема может представлять больший интерес, чем те результаты, которые получены в исследовании. В этой связи вспоминается один старый анекдот. Одна женщина приходит к портному, приносит ему материал и говорит: «Сшейте мне ночную рубашку». Портной измерил материал и говорит: «Сударыня, здесь выйдет либо десять мини, либо пять макси. Какие рубашки вам сшить?» — «Сшейте мне одну рубашку». — «Мадам, зачем вам такая рубашка?» — «Видите ли, мой муж научный работник и для него важнее поиск, чем результат».

Продолжая в прежнем стиле, следует отметить некоторые моменты, связанные с последующим изучением аграрной истории России, в которых принимал непосредственное участие и автор. Здесь возникла альтернатива относительно того, чем заниматься дальше. Во-первых, можно было продолжить изучение истории русского крепостного крестьянства в первой половине XIX в., сосредоточив внимание на изучении быта, нравов, классовой борьбы, идеологии и социальной психологии крестьянства первой половины XIX в., особенно накануне отмены крепостного права. Для этого имелся, хотя и весьма разрозненный, но достаточно обширный круг источников. Это прежде всего разного рода этнографические описания деревни этого времени. Особенно ценный материал по этому поводу удалось обнаружить в фондах Русского географического общества. Дело в том, что в сороковых годах, по моему, в 1843 или 1844 г., при Русском географическом обществе было организовано этнографическое отделение. В 1847 г. оно провело фактически первое солидное социологическое обследование деревни. Была составлена анкета, которая включала несколько десятков вопросов, связанных с состоянием крестьянского хозяйства и особенно касающихся быта, нравов, проведения различного рода праздников, что давало значительную информацию для изучения повседневной жизни деревни.

С другой стороны, все то, что происходило в социально-экономическом развитии деревни в первой половине XIX в. было лишь

началом процесса перехода от натурально-патриархального к товарно-денежному хозяйству. Этот процесс получил свое интенсивное развитие в пореформенную эпоху, особенно в конце XIX — начале XX в. Поэтому было весьма соблазнительно продолжить работу в этом направлении, а именно, проследить динамику процесса.

Во-первых, было решено сосредоточить внимание на изучении аграрного развития России в конце XIX — начале XX в., говоря точнее, начиная с 80-х годов XIX в., ибо период 60—70-х годов XIX в. в это время изучал Николай Михайлович Дружинин, который, как известно, написал монографию «Русская деревня на переломе». Во-вторых, по концу XIX — началу XX в. имелся обширнейший комплекс массовых статистических данных о социально-экономическом развитии деревни, о состоянии помещичьего и крестьянского хозяйства. Это как материалы общего порядка — земельные переписи, перепись населения 1897 г., сельскохозяйственная перепись 1916—17 гг., так и особенно ценными представлялись земско-статистические материалы о развитии деревни. И, в-третьих, было очевидно, что в изучении аграрного развития конца XIX — начала XX в. нужен принципиально новый подход сравнительно с тем, который имел место. А он состоял в том, что проблему разложения крестьянства, зарождения капиталистических отношений в крестьянском и помещичьем хозяйстве изучали на основе источников, которые содержали непосредственные данные, характеризующие развитие товарного производства, применения наемного труда и так далее. А между тем, громаднейший комплекс материалов, который можно было использовать для этого, но которые не содержали непосредственных показателей о развитии капитализма в аграрном строе России, были не использованы. Для вовлечения этих материалов в оборот и вообще для решения проблемы надлежало изменить принцип изучения аграрной истории. Надо было переходить от изучения отдельных проявлений этого развития к системному, комплексному рассмотрению хода этого развития. Рассматривая крестьянское и помещичье хозяйство и другие аспекты аграрного развития как составные компоненты единой системы аграрного развития, можно было решать вопрос о степени складывания предпосылок, зарождения новых отношений в деревне не только на основе показателей, которые непосредственно свидетельствуют об этом, но и на основе данных, которые так или иначе характеризуют систему аграрных отношений в России. Но для этого предстояло выполнить огромную работу, которая не только была не под силу одному человеку, но даже двум—трем человекам. Нужен был исследовательский коллектив, который действовал бы исходя из единой цели, единого замысла и выполнял работу при совершенно четком разделении труда. В конечном счете такую работу удалось организовать.

Этому содействовало то обстоятельство, что в 1966 г. я вместе с Валерием Ивановичем Бовыкиным и Юрием Александровичем

Мошковым перешел на кафедру источниковедения, которая стала кафедрой источниковедения, историографии и фактически методов исторического исследования, хотя ее название до сих пор остается прежним — кафедра источниковедения отечественной истории. Фактически была создана новая кафедра. В то время, когда мы перешли на кафедру источниковедения, на ней находилось всего три сотрудника. Благодаря содействию и непосредственной помощи ректора университета Ивана Георгиевича Петровского в течение нескольких лет численность кафедры выросла в несколько раз, что давало возможность расширить специализацию, увеличить количество аспирантов и тем самым организовать научно-исследовательскую работу, в которой принимали участие преподаватели, научные сотрудники, аспиранты, студенты кафедры. Но поскольку кафедра была многопрофильной как с точки зрения тех предметов, которые она преподавала, так и с точки зрения тех научных проблем, разработкой которых занимались сотрудники кафедры (а на кафедре были специалисты, которые занимались эпохой феодализма, эпохой капитализма, эпохой советского периода и различными аспектами вообще истории России, проблемами социально-экономической истории, проблемами культуры и т. д.), надлежало вот это многообразие каким-то образом свести воедино. То есть надо было найти такую проблему, которая бы позволила, не переводя сотрудников с одной проблематики на другую, вести исследовательскую работу в едином русле.

Ввиду того, что большинство сотрудников кафедры занималось изучением социально-экономической истории, возникла идея подготовить коллективный труд с участием преподавателей, научных сотрудников, студентов и аспирантов кафедры, а также с привлечением специалистов с других кафедр и других научных учреждений — трехтомник по проблемам источниковедения, а именно источники по социально-экономической истории России XVII—XX вв. В первом томе имелось в виду рассмотреть проблемы эти применительно к XVII, XVIII — первой половине XIX в., во втором томе — применительно к периоду истории капитализма и в третьем томе — применительно к истории советского периода.

В конечном счете, в подготовке этого труда принимало участие несколько десятков человек. В 1979 г. вышли два тома этой работы: «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» и «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества». Кроме этих двух монографий, содержащих характеристику массовых источников по социально-экономической истории и методов их изучения, было написано около 30 кандидатских диссертаций, некоторые из которых впоследствии были защищены и в качестве докторских диссертаций. Во всяком случае, опыт коллективной разработки сложной источниковедческой проблемы был удачным. Жаль, конечно, что не удалось издать том по эпохе XVII — первой половины XIX в. Однако трехтомник, о котором шла речь, был лишь

одним из направлений исследовательской работы коллектива кафедры. Велись работы и по многим другим аспектам.

Что касается аграрной истории, то здесь, как уже было сказано, была проделана большая работа, имевшая своим итогом написание дипломных работ, кандидатских диссертаций, а затем, в дальнейшем исследовании, ряда докторских диссертаций. Принимал, естественно, активное участие в этой работе и автор.

Вся совокупность проделанной работы в конечном счете может быть сведена к изучению пяти проблем. Первая [проблема] — это история формирования и развития в России аграрного рынка. Вторая проблема — это соотношение в аграрном строе России эпохи капитализма крестьянского и помещичьего хозяйства. Третья проблема — это внутренний социально-экономический строй крестьянского и помещичьего хозяйства. Четвертая проблема — это проблема типологии аграрного развития с точки зрения соотношения в этом развитии двух типов — буржуазно-крестьянского и буржуазно-помещичьего. Пятая проблема — это разработка методов многомерного анализа аграрного развития, системного подхода к изучению этого развития и его моделирования.

Несколько замечаний о значимости этих проблем. Что касается рынка, то хорошо известно, что в условиях развития товарно-денежных отношений рыночной экономики, он является интегральным обобщенным показателем характера и состояния общественного производства. Но рынок лишь на определенной стадии своего развития отражает характер и состояние общественного производства. В этой связи важное значение имеет учет основных этапов в развитии рынка, что, к сожалению, упускается из вида многими учеными, даже сейчас, когда интерес к развитию рынка у нас в стране очень велик. Таких стадий можно выделить две. Они, кстати, отчетливо прослеживаются и в трудах Карла Маркса. Первая стадия, когда рынок существует как простая арена обмена, купли и продажи товаров. На таком рынке цены на товары определяются спросом и предложением на них. И не имеет значения, каким образом продавец стал обладателем товара и за счет каких средств приобретает этот товар покупатель. Здесь продавец и покупатель выступают как таковые. Если продавцу товара надо во что бы то ни стало продать его, он может продать его и по цене, которая будет значительно ниже тех затрат, которые были сделаны при его производстве. Точно также и покупатель, если ему надо во что бы то ни стало купить какой-то товар, заплатит за него цену, которая будет значительно превышать его истинную стоимость. Такой рынок существует издавна и до сих пор. И он сам по себе не оказывает какого-либо существенного воздействия на развитие общественного производства. Такое воздействие имеет место не на рынке, который является простой ареной купли-продажи товара, а на рынке, который является ареной проявления тех закономерностей, которые присущи тем или иным видам общественного производства. На таком рынке цены на товар определяются не соотно-

шением спроса и предложения, а общественно необходимыми издержками на их производство, то есть имеет место стоимостная основа ценообразования. Что же касается соотношения спроса и предложения, то оно определяет не цену товаров, а лишь отклонение от их стоимости. Поэтому, когда сейчас говорят и пишут о рынке и ничего не говорят о его характере, о стоимостной основе ценообразования, то тем самым осознанно или неосознанно признают, что тот рынок, который имеет место у нас сейчас — это рынок низшей стадии развития, рынок простой арены купли-продажи товаров. Но и на рынке со стоимостной основой ценообразования товаровладельцы выступают как таковые в том смысле, что стоимостная основа товара выступает безотносительно к социальным условиям их производства. Поэтому рынок фигурирует в форме простого товарного рынка.

Для изучения аграрного рынка — арены, на которой действовал закон стоимости, — нужны были прежде всего данные о ценах на основные виды сельскохозяйственной продукции, прежде всего продукции земледельческой. Основными видами земледельческой продукции в России были рожь и овес. Поэтому для изучения рынка было решено выявить и проанализировать данные о ценах на рожь и овес. Поскольку систематические данные по этим видам по дореформенной эпохе отсутствовали, было решено выделить несколько периодов, по которым можно было за определенные временные отрезки собрать систематические данные о ценах. Мною совместно с Леонидом Васильевичем Миловым было выяснено, что имеются систематические данные о ценах на рожь и овес, охватывающие практически всю территорию Европейской России за десятилетние периоды по середине XVIII — началу XIX в., по концу первой четверти XIX в., середине XIX и фактически по всему пореформенному периоду. Тем самым открывалась возможность выявить процесс формирования товарного земледельческого рынка на протяжении длительного периода времени с середины XVIII в. до начала XX в.

Леонид Васильевич Милов, обработав, проанализировав эти данные, проследил процесс складывания единого российского аграрного рынка на основную земледельческую продукцию. Был выявлен процесс установления тесной сопряженности в движении и колебании цен. Однако степень сопряженности на движение и колебание цен на основные виды сельскохозяйственной продукции даже при очень высокой ее степени раскрывает лишь степень развития товарно-денежных отношений в области земледельческого производства, показывает глубину подчиненности товарного производства воздействию закона стоимости, но не раскрывает степени развития в аграрной сфере буржуазных капиталистических отношений. Ибо зарождение и развитие капитализма означает не только формирование единого рынка на продукцию сельскохозяйственного производства, но и единых рынков на средства производства и рабочую силу. Поэтому, наряду с изучением процесса

складывания единого всероссийского рынка на основную продукцию земледельческого производства, была предпринята попытка изучения степени формирования в России капиталистического аграрного рынка. Этой проблемой занимался я. И для этого была изучена степень сопряженности цен на землю, рабочий скот и рабочую силу в конце XIX — начале XX в. Это дало возможность выявить общую степень развития товарно-денежных, буржуазно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве России конца XIX — начала XX в. Итоги проделанной работы были изложены в монографии «Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX в. Опыт количественного анализа». Монография вышла в свет в 1974 г.

Что касается соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве пореформенной России, то изучение этого явления имеет важное значение для раскрытия социально-сословных форм сельскохозяйственного производства в стране. А их соотношение, естественно, оказывало существенное воздействие и на господствующие типы аграрных отношений.

Как уже говорилось, еще при изучении аграрных отношений первой половины XIX в. было установлено, что к концу крепостнической эпохи в России господствующее, преобладающее значение в земледельческом и вообще сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Естественно, что необходимо было выяснить, как изменялось это соотношение в пореформенный период. Однако решение, казалось бы, столь простого вопроса вызвало существенные затруднения. Они опять-таки были связаны с состоянием источников. Хотя в России с начала 1880-х гг. велся систематический учет посевов и сборов хлебов по культурам в частновладельческом и крестьянском хозяйстве, охватывавший данные по всей территории Европейской России, а в дальнейшем — по всей территории Российской империи, на основе этих данных можно было выявить соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве буквально за каждый год на всей территории страны, возникали сомнения в том, насколько эти данные, хотя они и собирались официально и весьма квалифицированными специалистами, являются достоверными для решения этого вопроса. Дело в том, что по этим данным, которые собирались Центральным статистическим комитетом, вырисовывалась такая картина, что в земледельческом производстве России в конце XIX — начале XX в. возрастала роль помещичьего хозяйства. Однако это находилось в противоречии со многими другими данными, которые говорили о том, что едва ли такое положение могло иметь место. Такое сомнение порождалось прежде всего тем, что, как известно, в конце XIX — начале XX в. помещики продали очень много своих земель крестьянам, купцам, мещанам и другим и кроме того сдавали большое количество земли в аренду. Таким образом, было сомнительно, чтобы в этих

условиях имело место расширение помещичьего земледельческого производства. Поэтому надлежало выяснить, в какой мере данные Центрального статистического комитета о посевах и сборах хлебов крестьянами и помещиками являются достоверными. В конечном счете удалось установить, что эти данные обладают существенным изъяном.

В том, что при выявлении посевов и сборов хлебов на крестьянских и частновладельческих землях, Центральный статистический комитет к крестьянским причислял только посевы на наделных землях. Что же касается посевов на купленных крестьянами землях и на землях, которые снимались ими у помещиков в аренду, то они рассматривались как посевы помещичьи. Это, естественно, вносило очень существенные по ряду регионов искажения в данные о соотношении помещичьих и крестьянских посевов. Привлечение данных, в которых корректно учитывалось соотношение посевов крестьянских и помещичьих, показало, что их истинная картина была совершенно иной.

Совершенно очевидно, что центральной проблемой среди указанных являлась проблема о внутреннем социально-экономическом строе крестьянского и помещичьего хозяйства, ибо только ясное представление об этом строе могло дать ответ на вопрос о соотношении в аграрном строе России буржуазных и полукрепостнических отношений.

Здесь, как указывалось, требовалась выработка принципиально нового подхода в изучении этого строя. Надо было вместо данных, которые непосредственно характеризовали этот строй, найти пути обобщенного анализа его сути. Дело здесь не только в том, что показателей, которые непосредственно характеризуют степень развития буржуазных отношений в помещичьем и крестьянском хозяйстве, в источниках содержалось недостаточно, но и в том, что сам буржуазный характер этого строя мог непосредственно зависеть от таких, например, показателей, как степень применения наемного труда. Буржуазным, то есть подчиненным законам капиталистического производства, могло быть не только крупное хозяйство, основанное на применении наемного труда, но и мелкое крестьянское производство. Поэтому требовался системный, целостный подход к рассмотрению этого строя и поиск таких методов его изучения, которые бы позволили, с одной стороны, вовлечь в исследование и обширные материалы, не содержавшие непосредственных данных о буржуазном развитии, и, с другой — разработку таких принципов анализа, которые бы на основе изучения общей структуры этого хозяйства позволили судить о степени его связи с рынком, о степени воздействия на развитие этого хозяйства закономерностей, присущих капиталистическому производству.

Здесь, во-первых, требовалась разработка такой теоретической модели этого строя, которая бы позволяла судить о степени развития этих отношений. Такая модель являлась как бы эталоном, сопоставление с которым реального положения, реального характера

социально-экономического строя позволяла бы судить о степени его буржуазности. Во-вторых, необходимо было выявить и конкретно изучить, и проанализировать обширнейшие данные о состоянии крестьянского и помещичьего хозяйства в это время. На решение этих задач и были направлены основные усилия. В этой работе принимало [участие] наибольшее число исследователей.

Основная идея при выработке теоретической, идеальной модели аграрного строя буржуазно-капиталистического по своему характеру сводилась к следующему. Любое хозяйство и мелкое, и крупное, тесно связанное с рынком и действовавшее в условиях конкуренции и подчиненности законам рынка, а именно закону стоимости, должно было иметь и соответствующую внутреннюю структуру. Рациональный и экономически оправданный и эффективный характер этой структуры предполагал наличие тесной взаимосвязи между всеми основными производственными компонентами этого хозяйства — крестьянского или помещичьего. Это теоретически очевидное положение надо было проверить экспериментально. Действительно ли в хозяйстве, имевшем буржуазный характер, взаимосвязь его производственных компонентов была несравненно выше, чем в хозяйстве, которое имело полукрепостнический характер? Наиболее наглядной могла быть такая модель построенная по данным о помещичьем хозяйстве. А именно, надо было иметь выборку помещичьих хозяйств, о которых достоверно было известно, что они велись на основе буржуазных отношений, на основе применения наемного труда, и посмотреть, какова была внутренняя структура его основных компонентов. А с другой стороны, надо было иметь другую выборку, в которую должны были быть включены имения, о которых было известно, что они велись на полукрепостнических основах, и проанализировать внутреннюю структуру этой группы имений. Сопоставление двух таких типов и их внутренней структуры могло наглядно подтвердить справедливость высказанной выше теоретической посылки. Такая работа была проделана Натальей Борисовной Селунской по данным Дворянского земельного банка. Она полностью подтвердила справедливость теоретической модели. Было очевидно, что и в мелком крестьянском хозяйстве внутренняя сбалансированность компонентов должна была быть выше в тех категориях хозяйств, которые были более тесно связаны с рынком.

После этого началось конкретно-историческое изучение состояния помещичьего и крестьянского хозяйства в различных регионах Европейской России. Применительно к крестьянскому хозяйству оно велось на основе привлечения земско-статистических подворных описаний по различным регионам страны. Было написано несколько дипломных работ, защищено [несколько] кандидатских диссертаций о внутреннем строе крестьянского хозяйства в различных районах страны: в Центрально-черноземном, Центрально-промышленном, Северо-Западном, Южном степном, Приуральском и других районах, которые показали возможность ис-

пользования для выяснения внутреннего строя не только тех подворных описаний, которые содержали группировки крестьянских хозяйств по их имущественному хозяйственному положению, но и тех материалов, которые таких группировок не имели.

К настоящему времени накоплен большой материал, который при его обобщении и определенном дополнении позволяет совершенно аргументированно судить о том, каков был характер внутреннего строя крестьянского хозяйства в различных районах России в конце XIX — начале XX в. Главным источником для изучения внутреннего строя помещичьего хозяйства и послужила сельскохозяйственная перепись 1917 г.

В предполагаемом исследовании имеется в виду обобщить накопленный материал, дополнить его и на этой основе сформулировать общие выводы о характере аграрного строя крестьянского и помещичьего хозяйства в России в начале XX в.

Что касается проблем типологии аграрного строя России в начале XX в., то значимость изучения этой типологии очевидна. Ее изучение позволяет выявить не только общее соотношение различных типов аграрного буржуазного развития в России в начале XX в., но и их региональные особенности.

И последнее, о методах исследования аграрного строя. Дело в том, что как указанные, так и многие другие проблемы социально-экономического и аграрного развития России в рассматриваемое время и в другие периоды, на современном уровне развития науки могут решаться только на основе широкого применения количественных методов и электронных вычислительных машин. Это выдвинуло проблему установления контактов историков со специалистами в области количественного анализа и ЭВМ не только в том плане, что историки обращаются к их помощи при обработке тех или иных материалов, но и в плане создания коллективов, в которые органически входили и историки, занимавшиеся теми или иными проблемами и, естественно, в силу этого вынужденные ознакомиться с основными принципами применения количественных методов, и математики, которые систематически длительное время работали с историками, которые, естественно, должны были понимать суть тех исследовательских проблем, которыми занимались историки. В итоге был накоплен очень ценный опыт и создан коллектив совместно действующих исследователей разного профиля.

Вот некоторые замечания о проблемах, которые приходилось решать.

Таким образом, отличительной чертой изучения аграрного строя России в конце XIX — начале XX в., в котором непосредственное участие принимал автор, а также выступал в качестве координатора и научного руководителя этих исследований, была выработка новых подходов и разработка новых конкретных методов его изучения.

Главное, что удалось здесь сделать, состоит в показе эффективности и необходимости перехода в изучении этого строя от рассмотрения его отдельных сторон и проявлений на основе конкретно-исторических данных, непосредственно характеризующих те или иные его черты, к системному, целостному его рассмотрению как в плане изучения его отдельных компонентов (рынок, социально-экономический внутренний строй помещичьего и крестьянского хозяйства и т. д.), так и характера социально-экономического состояния аграрных отношений в целом. Реализация такого подхода требовала разработки целой системы квантитативных и компьютерных методов анализа массовых историко-статистических данных. Такая разработка была проделана и она состояла не просто в адаптации уже известных в науке методов количественного и компьютерного анализа применительно к историческому материалу, но и выработки новых методов. Такая работа была успешно проделана математиками кафедры под руководством Леонида Иосифовича Бородкина. Разработан был целый комплекс математических моделей, алгоритмов и программ, которые могут быть широко использованы и были использованы не только в анализе истории аграрного развития конца XIX — начала XX в., но и многих других явлений и процессов. Применение системного подхода, квантитативных и компьютерных методов позволило привлечь для изучения аграрной истории России конца XIX — начала XX в. огромный комплекс материалов, которые ранее не использовались исследователями в силу того, что они не содержали данных, которые непосредственно позволяли изучать характер этого строя.

В конечном счете удалось более широко и глубоко проанализировать ход аграрного развития России в конце XIX — начале XX в., что позволяет внести целый ряд корректив в понимание как хода самого этого развития, так и общего хода социально-политического развития страны в это время, в частности, в изучение предпосылок российских революций, особенно Октябрьской революции 1917 г.

Цель предпринятого исследования состоит в том, чтобы обобщить содержательные итоги работы, проделанной значительным числом исследователей, и обозначить те коррективы в понимании хода исторического развития России в начале XX в., которые можно сделать на основе этого изучения.

Теперь несколько замечаний о характере предлагаемой работы. Ее название «Очерки аграрной истории России конца XIX — начала XX в.». Очерки потому, что в работе будет идти речь не о всех сторонах аграрного развития России в это время, а лишь о некоторых, как представляется автору, основных компонентах и явлениях этого развития. Основная задача сводится к выявлению типа этого развития. Говоря конкретнее, к выявлению соотношения в этом развитии типов и форм буржуазной аграрной эволюции и ее региональной специфики. Поскольку многие сюжеты, изучавшие-

ся автором, опубликованы в обширной серии статей, возник вопрос, какой характер должна иметь предлагаемая книга. Традиционный вариант написания монографии, книги в условиях, когда предварительно была опубликована большая серия статей, состоит в том, что пишется текст, в котором используются необходимые для освещения рассматриваемых вопросов материалы, содержащиеся в статьях автора. На основе такого подхода писалась монография «Русское крепостное крестьянство в первой половине XX в.», ибо там до написания монографии была также опубликована большая серия статей общим объемом около 30 или даже более печатных листов. При таком подходе автор, естественно, вносит коррективы, уточнения и изменения в те или иные трактовки явлений и процессов, которые были предметом рассмотрения в отдельных статьях. Такого рода новые подходы и трактовки могут быть иногда весьма существенными. Тем самым книга будет представлять собой новый взгляд автора на изучаемые проблемы сравнительно с его пониманием этих явлений в соответствующих статьях. Поэтому для изучения развития взглядов того или иного автора на рассматриваемые им проблемы в подобных случаях необходимо рассмотрение не только самой работы, но и предшествующих ей статей. Иначе говоря, эволюция взглядов автора, развитие и углубление взглядов на изучаемое явление отодвигается на второй план и требует специального рассмотрения теми читателями, которых заинтересует этот вопрос.

Другой вариант публикации подобных очерков состоит в том, что автор объединяет в книгу все ранее опубликованные статьи, а в предисловии к этой книге и в примечаниях к этим статьям указывает те коррективы, то изменение взглядов, которое произошло за время между выходом статей и написанием книги.

Возможен и третий вариант. Он состоит в том, что конкретно-исторические данные и сделанные на основе их наблюдения, содержащиеся в статьях, непосредственно вводятся в текст работы. То есть в новую книгу включаются не материалы статей, а само их содержание, по крайней мере, в их основной части. Оптимальным вариантом было бы включение в книгу статей целиком в том виде, как они были опубликованы. Если таких статей много, это будет увеличивать объем работы. Поэтому определенные сокращения необходимы. Чтобы читатель работы не думал, что автор исключил как раз те места из своих статей, которые связаны с изменением его концепции, в примечаниях должно быть четко указано основное содержание для тех разделов статей, которые не включены в текст работ. Трудно сказать, что получится при реализации такого замысла, но, во всяком случае, есть намерение опробовать его.

Таковы некоторые мемуарно-историографические моменты, которые представлялось целесообразным зафиксировать прежде, чем приступать к написанию самой работы. Отметить эти моменты представлялось необходимым не для того, чтобы включать их в

текст работы, а для того, чтобы прояснить некоторые моменты для самого себя.

Это все. Конец записи. Больше текста нет.

¹ Публикуемый текст представляет собой расшифровку магнитофонной записи, продиктованной И.Д. Ковальченко в 1994 г. Для настоящего сборника запись расшифрована А.Е. Шилко, при этом внесена незначительная стилистическая правка, не касающаяся существа излагаемых автором положений. Запись не имеет заглавия. На кассете надпись рукою автора: «Август 1994 г. Вступление к монографии "Очерки аграрной истории Европейской России конца XIX — начала XX в."».

В самой записи также имеется указание, что сам автор рассматривал ее как вариант предисловия к предполагавшейся книге «Очерки аграрного строя России конца XIX — начала XX в.». Однако монография не была написана. В архиве Ивана Дмитриевича сохранился план предполагаемой работы и обширные подготовительные материалы в виде различного рода таблиц и подборки уже опубликованных статей. Ниже приводится машинописная копия плана монографии. Она имеет заголовки несколько иной, чем обозначенный на кассете. Видимо, это один из вариантов названия работы.

«И. Ковальченко

Очерки аграрной истории Европейской России периода капитализма

Введение. Задачи изучения.

Часть I ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

Введение

1. Сельскохозяйственная статистика России конца XIX — начала XX в.

В книге: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979. С. 244—275.

2. Источники по истории крестьянского хозяйства. (В соавторстве с Л.В. Разумовым)

Там же. С. 276—316.

3. Массовые источники по истории помещичьего хозяйства России конца XIX — начала XX в.

В книге: И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунская, Б.М. Литваков. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. (Источники и методы изучения). М., 1982. С. 30—56.

4. Моделирование исторических явлений и процессов. (Цели моделирования, его этапы и типы моделей).

В книге: И.Д. Ковальченко. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 357—367.

Часть II ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ. ТИПОЛОГИЯ АГРАРНОГО СТРОЯ

Введение

1. Кризис крепостнической системы и неизбежность ее падения.

Заключение к работе «Русское крепостное крестьянство». М., 1967. С. 378—385.

2. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве капиталистической России.

В сб. статей: Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 171—194.

3. Аренда земель бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в.

В сб.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976. С. 44—60.

4. Развитие аграрного капиталистического рынка и характер аграрного строя России в конце XIX — начале XX в.

В кн.: И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. (Опыт количественного анализа). М., 1974. С. 352—380.

5. Типология аграрного развития.

Статьи И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина:

1) Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX — XX веков. (Опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 59—94.

2) Структура и уровень аграрного развития районов Европейской России на рубеже XIX — XX веков. (Опыт многомерного анализа) // Там же. 1981. № 1. С. 76—99.

3) Два пути буржуазной аграрной эволюции в Европейской России (Опыт многомерного типологического анализа). В сб.: Аграрная эволюция России и США в XIX — начале XX века. М., 1991. С. 18—47.

Часть III СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО И ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Крестьянское хозяйство

1. Общая характеристика.
2. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX века.

История СССР. 1983. № 5. С. 50—81.

3. Методы анализа внутреннего строя хозяйства различных групп крестьян.

В кн.: И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунская. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы изучения). М., 1988. Глава 3. С. 87—139.

4. Общая характеристика внутреннего строя крестьянского хозяйства Европейской России в начале XX в. по сводным статистическим данным.

Новый раздел.

Помещичье хозяйство

1. Общая характеристика
2. Разделы из книги: И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунской, Б.М. Литвакова. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма (Источники и методы изучения). М., 1982. Гл. V, 1.

1) Место помещичьего хозяйства в аграрном строе России эпохи капитализма. С. 110—126.

Гл. V, 2.

2) Общий уровень развития помещичьего хозяйства. С. 198—207.

Гл. VI, 3.

3) Общий характер внутреннего строя помещичьего хозяйства Европейской России. С. 198—207

Гл. VI, 4.

4) Общее и регионально-особенное во внутреннем строе помещичьего хозяйства. С. 207—220.

Заключение.

Взаимодействие в развитии крестьянского и помещичьего хозяйства.

Новый раздел.

Часть IV

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. Общая характеристика.

2. Аграрные реформы в России.

Статьи:

Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 г. // Отечественная история. 1994. № 2. С. 3—18

Столыпинская аграрная реформа. (Миф и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52—71

3. Аграрно-крестьянский вопрос в политике самодержавия, программах политических партий и движений.

Новый раздел.

4. Особенности аграрного развития и российские революции.

Заключение.

Приложение.»

2 Свою педагогическую деятельность И.Д. Ковальченко начал в 1955 г. в качестве ассистента кафедры истории СССР периода капитализма. С 1958 г. он доцент этой кафедры, а в 1966 г. становится заведующим кафедрой источниковедения истории СССР, ему присваивается звание профессора. В 1955 г. И.Д. Ковальченко начал чтение курса лекций и проведение семинарских занятий по истории СССР XIX в. и одновременно чтение курса по исторической географии. В 1959—1975 гг. он читал курс «Историография истории СССР. Досоветский период». В его архиве сохранилась рукопись лекций по этому курсу. Она датируется началом 1960-х годов. В середине 1960-х годов по инициативе Ивана Дмитриевича в учебный план факультета были включены семинарские занятия по историографии и источниковедению. Совместно с коллегами по кафедре он разработал программу, структуру и методику их проведения. В 1975 г. И.Д. Ковальченко подготовил два новых курса — «Методологические проблемы исторических исследований», который бесценно читал до 1994 г., и «Количественные методы в исторических исследованиях» (1975—1983 гг.). Основные положения обоих курсов изложены в монографии «Методы исторического исследования» (М., 1987; 2-е изд. М., 2003). С конца 1980-х годов для более успешного овладения студентами математическими методами при его непосредствен-

ном участии были организованы семинарские занятия. Разработке планов, методике их проведения И.Д. Ковальченко уделял много внимания. Впоследствии курсы были включены в учебные планы всех университетов страны и многих педагогических институтов. В разные годы И.Д. Ковальченко читал специальные курсы по социально-экономической истории России, социологической мысли второй половины XIX — начала XX в., методологическим проблемам исторической науки, историографии. Спецкурсы являлись составной частью разрабатываемых И.Д. Ковальченко научных проблем или специальными исследованиями для учебного процесса. Он читал специальные курсы лекций для студентов исторического факультета МГУ, слушателей Академии общественных наук, факультета повышения квалификации МГУ, Института усовершенствования учителей и других вузов Москвы. В личном архиве И.Д. Ковальченко сохранились машинописные и рукописные планы-конспекты и несколько полных текстов лекций.

Много внимания И.Д. Ковальченко уделял подготовке учебников и учебных пособий. В соавторстве с В.З. Дробижевым и А.В. Муравьевым им был написан учебник «Историческая география СССР» (М., 1973). Он являлся одним из авторов и редактором двух изданий учебника «Источниковедение истории СССР» (М., 1973; М., 1981). В соавторстве был издан первый в нашей стране учебник «Количественные методы в исторических исследованиях» (М., 1984). Под его руководством были подготовлены четыре выпуска «Сборника документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (1980—1988), два выпуска «Сборника материалов по истории исторической науки в СССР» (1985, 1990). И.Д. Ковальченко был одним из авторов «Пособия по истории СССР» для поступающих в вузы (1965, 1974) и пособия для учителей «Очерки истории СССР. 1861—1904» (1960). И.Д. Ковальченко были написаны разделы в учебнике по истории СССР, подготовленном Институтом культуры. Он являлся одним из авторов и редактором программ по курсам: «Источниковедение истории СССР» и «Историография истории СССР». Иван Дмитриевич подготовил не одно поколение специалистов-историков. Под его руководством было написано более ста дипломных работ, защищено 38 кандидатских диссертаций.